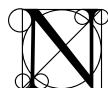


ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
ВНЕ ПРАВИЛ



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
ROGUE LAWYER

Перевод с английского *В. В. Антонова*
Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Вне правил : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. В. В. Антонова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-097170-1

Себастиан Радд — необычный адвокат.

Его офис — пуленепробиваемый фургон с бесперебойным доступом к Интернету, шикарным баром, дорогами кожаными креслами и тайником, где хранится оружие.

Его единственный помощник и единственный друг — вооруженный до зубов водитель, которому часто приходится перевоплощаться в телохранителя.

Его номера вы не найдете в телефонном справочнике.

Но именно Себастиан Радд берется за дела, от которых отказываются все.

Он не доверяет власти, страховым компаниям, крупным корпорациям и не питает уважения к судебным этическим нормам.

Однако если надо вытаскивать из тюрьмы невинного, будь то нищий неудачник, которого обвиняют в убийстве, попавший в беду старик, выстреливший в ворвавшихся к нему в дом полицейских, или даже криминальный авторитет, он всегда готов кинуться в бой. Потому что каждый имеет право на справедливый вердикт, считает он. И ради этого он готов идти до конца, даже если придется играть вне правил!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc., 2015
© Перевод. В. В. Антонов, 2016

ISBN 978-5-17-097170-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неуважение к суду

1

Меня зовут Себастиан Радд, и, хотя в нашем городе я известный адвокат, вы не встретите мое имя ни на рекламных щитах, ни на спинках автобусных кресел, ни напечатанным в деловых справочниках, где информация об адвокатах дана жирным шрифтом. Я не плачú, чтобы меня показали по телевизору, но на экране появляюсь часто. Вы не найдете обо мне упоминания ни в одной телефонной книге. У меня нет обязательного для адвоката офиса. Я всегда хожу с пистолетом, причем на законных основаниях, потому что мое имя и лицо, как правило, вызывают нездоровый интерес со стороны людей, которые тоже носят при себе оружие и не смущаются пускать его в ход. Я живу один, сплю обычно тоже один и не обладаю терпением и пониманием, необходимыми для поддержания дружеских отношений. Вся моя жизнь подчинена служению закону, вечно ненасытному и редко благодарному. Я бы не сравнил его с ревнивой любовницей, как повелось с чьей-то легкой руки. Он больше похож на деспотичную жену, которая контролирует все финансы. И изменить ничего нельзя.

В последнее время я ночую в дешевых мотелях, которые приходится менять каждую неделю. Я не стараюсь сэкономить; скорее пытаюсь просто остаться в живых. Есть немало желающих меня убить, и многие открыто об этом заявляют. На юридическом факультете не рассказы-

вают, что в один прекрасный день можно вдруг оказаться защитником человека, обвиняемого в совершении преступления столь гнусного и отвратительного, что обычно законопослушные граждане невольно хватаются за оружие и грозят сами расправиться и с обвиняемым, и с его адвокатом, и даже с судьей.

Но мне угрожали и прежде. Это неотъемлемая часть работы адвоката отверженных, той узкой специализации, на которой мне пришлось остановиться лет десять назад. Когда я закончил учебу, с работой было плохо. Я скрепя сердце устроился на неполную ставку в городской адвокатуре. Оттуда попал в небольшую дышавшую на ладан фирму, которая занималась защитой исключительно по уголовным делам. Через несколько лет фирма окончательно разорилась, и я оказался на улице, где, подобно многим другим, был вынужден крутиться, чтобы заработать на жизнь.

Я получил известность благодаря одному делу. Не могу сказать, что оно меня прославило, потому что, если серьезно, как можно говорить о славе адвоката в Городе с миллионным населением? В Городе хватает трепачей, считающих себя знаменитыми. Они улыбаются с рекламных щитов, предлагая помощь при банкротстве, или надувают щеки в телевизионных рекламных роликах, пытаясь изобразить, как глубоко их трогают ваши личные проблемы, но за свою рекламу им приходится платить. В отличие от меня.

Итак, дешевые мотели меняются каждую неделю. Я нахожусь в самом разгаре судебного процесса, который проходит в унылом и захудалом рабочем городке Майлоу, что в двух часах езды от Города, где я живу. Я защищаю восемнадцатилетнего отщепенца, у которого плохо с головой. Он обвиняется в убийстве двух маленьких девочек — это одно из самых жутких преступлений, с которыми мне приходилось сталкиваться, а их было немало. Мои клиенты почти всегда виновны, так что я не особо заморачиваюсь на тот счет, получают ли они по заслугам.

Правда, в данном случае Гарди не виноват, но что это меняет? Ничего. Но сейчас для Майлоу важно, чтобы Гарди признали виновным, приговорили к смерти и казнили как можно быстрее, чтобы городок мог вздохнуть свободно и продолжить свой путь. Но путь куда именно? Будь я проклят, если знаю, да мне это и не важно. Этот городок уже полвека пятится назад, и один паршивый вердикт не изменит его курса. Я читал и слышал, что Майлоу наконец следует «вздохнуть свободно», что бы это ни значило. Нужно быть полным идиотом, чтобы поверить, будто этот городишко каким-то волшебным образом начнет расти и процветать и станет более терпимым, как только Гарди казнят, вколыв смертельную инъекцию.

Моя работа многогранна и сложна и в то же время довольно проста. Штат платит мне за предоставление первоклассной защиты обвиняемому в тяжком убийстве, и я обязан сражаться изо всех сил, чтобы устроить настоящий ад в зале суда, где никто никого не слушает. По сути, Гарди признали виновным уже на следующий день после ареста, и суд над ним — пустая формальность. Тупоголовые и беспринципные полицейские состряпали обвинения и сфабриковали доказательства. Прокурор об этом знает, но он тряпка и в будущем году хочет переизбраться на новый срок. Судья постоянно пребывает в летаргическом сне. Присяжные — в основном простые, хорошие люди, к процессу они относятся как к священнодействию и будут готовы поверить любой лжи, произнесенной напыщенными представителями власти со свидетельской кафедры.

В Майлоу хватает дешевых мотелей, но останавливаться в них я не могу. С меня готовы заживо содрать кожу, меня бы с радостью линчевали или даже сожгли на костре. Если мне повезет, то снайпер просто всадит мне пулю в лоб, и все будет кончено в мгновение ока. Во время судебного разбирательства меня охраняет полиция штата, но я не питаю особых иллюзий насчет этой защиты. Копы относятся ко мне ничуть не лучше, чем

большинство жителей. Они видят во мне длинноволосого беспринципного негодяя, у которого хватает наглости защищать права детоубийц и им подобных.

Сейчас я живу в мотеле «Хэмптон-Инн», расположенном в полчасе езды от Майлоу. Номер в сутки здесь стоит шестьдесят долларов, и штат возместит мне расходы на проживание. Соседний номер занимает Напарник — мой внушительных размеров и вооруженный до зубов помощник, который носит только черные костюмы и везде меня сопровождает. Напарник — мой водитель, телохранитель, доверенное лицо, ассистент по юридической части, кэджи* и единственный друг. Его преданностью я обязан решению присяжных, признавших его невиновным в убийстве наркополицейского, который работал под прикрытием. Мы вышли из зала суда рука об руку и с тех пор не разлучались. По меньшей мере дважды его пытались убить полицейские, находясь не при исполнении. Один раз они приходили за мной. Но пока нам удается держаться. Или, точнее сказать, вовремя залегать на дно.

2

В восемь утра Напарник стучит в мою дверь. Пора идти. Мы здороваемся и усаживаемся в мою машину — большой черный фургон, оснащенный всем необходимым. Поскольку он служит еще и офисом, то задние сиденья расположены вокруг небольшого складного столика. Здесь есть диван, на котором мне нередко приходится ночевать. Стекла всех окошек затонированы и пуленепробиваемы. В фургоне имеется телевизор, музыкальный центр, Интернет, холодильник, бар, пара пистолетов и смена одежды. Я сажусь на переднее сиденье рядом

* Помощник игрока в гольф, который носит его клюшки и имеет право давать ему советы по ходу игры. — *Здесь и далее примеч. пер.*

с Напарником, и, выезжая со стоянки, мы перекусываем сэндвичами с колбасой, которыми предусмотрительно запаслись в закусочной. Перед нами едет полицейская машина без опознавательных знаков, сопровождающая нас в Майлоу. Позади держится еще одна. Последнее письмо с угрозой физической расправы мы получили два дня назад по электронной почте.

Напарник разговаривает, только если я к нему обращаюсь. Я не устанавливал такого правила, но оно мне по душе. Напарника ничуть не смущает долгое молчание, и меня тоже. За несколько лет немногословного общения мы научились понимать друг друга с помощью кивков, подмигивания и пауз. На полпути к Майлоу я открываю папку с делом и начинаю черкать заметки.

Двойное убийство было настолько чудовишным, что за него не брался ни один местный адвокат. После ареста на Гарди достаточно было просто взглянуть, чтобы отбросить любые сомнения в его виновности. Длинные крашенные, черные как смоль волосы, причудливый набор пирсинга выше шеи и татуировок ниже ее, стальные серьги под стать, холодные светлые глаза и ухмылка, говорившая: «Ладно, я это сделал, что теперь?» В своем первом репортаже местная газета Майлоу описала его как «члена сатанинского культа, уже привлекавшегося за растление малолетних».

А как насчет честного и непредвзятого освещения событий? Гарди никогда не был членом сатанинского культа, да и покушение на растление тоже вызывает вопросы. Но с этого момента он стал виновным, и я до сих пор удивляюсь, что его все еще не осудили. Гарди хотели вздернуть уже давно.

Само собой разумеется, что все адвокаты в Майлоу тут же заперли двери и отключили телефоны. Городок слишком мал, чтобы содержать службу государственных защитников, и в случае неплатежеспособности подсудимого адвокат назначается решением судьи. По негласному правилу, такие бесперспективные дела поручаются

молодым городским адвокатам: во-первых, кому-то же надо их вести, а во-вторых, юристы постарше уже прошли через это, когда сами начинали. Однако защищать Гарди не соглашался никто, и, честно говоря, я их не виню. Это их город и их жизнь, и такой клиент в послужном списке может бросить тень на всю карьеру.

Как члены общества, мы все свято верим, что у обвиняемого в совершении тяжкого преступления есть право на справедливый суд, но далеко не всем нравится, когда для обеспечения этого права привлекается толковый адвокат. Меня часто спрашивают: «Как вы можете защищать такого подонка?» На это я просто отвечаю, что кто-то должен это делать, и быстро ретируюсь.

Хотим ли мы в самом деле справедливого судебного разбирательства? Нет, не хотим. Мы хотим справедливости, причем немедленно. А что является справедливым, определяем сами в каждом конкретном случае.

Точно так же мы не верим в справедливое судебное разбирательство, поскольку ничуть не сомневаемся, что его не существует. Презумпцию невиновности теперь сменила презумпция вины. Бремя доказательства превратилось в пародию, поскольку доказательством зачастую является ложь. Вина при отсутствии обоснованного сомнения означает только одно: если есть вероятность, что он это сделал, давайте уберем его куда-нибудь подальше.

Как бы то ни было, адвокаты бросились врассыпную, и Гарди остался без защитника. И вскоре позвонили мне, что довольно красноречиво свидетельствует о моей репутации — уж не знаю, радоваться этому или огорчаться. В юридических кругах нашей части штата теперь хорошо известно, что, если все отказываются вести дело, надо обратиться к Себастиану Радду. Он готов защищать кого угодно!

После ареста Гарди возле тюрьмы собралась толпа и требовала справедливости. Когда полицейские вели его в наручниках к фургону, чтобы отвезти в суд, толпа

осыпала его проклятиями и забрасывала помидорами и камнями. Об этом подробно написали в местной газете и даже сняли специальный репортаж для вечерних новостей Города (в Майлоу нет своей сетевой станции, только дешевое кабельное оборудование). Я умолял перенести суд в другое место, просил судью проводить судебные заседания не меньше чем за сто миль от Майлоу, чтобы имелся хоть какой-то шанс найти хотя бы нескольких присяжных, кто не швырял бы в подсудимого камнями и не проклинал его за ужином. Но нам отказали. Все мои досудебные ходатайства были отклонены.

Город жаждал справедливости. Жаждал крови.

Наш фургон свернул к зданию суда и остановился у заднего входа: группы поддержки не наблюдается, но кое-кто из завсегдатаев, как всегда, на месте. Они собрались за полицейским ограждением, выставленным неподалеку, и размахивают убогими плакатами с очень содержательными надписями, вроде «Детоубийцу в петлю!», «Сатана ждет!» и «Радд, подонок, вон из Майлоу!». Этих трогательных энтузиастов набралось около десятка, и их цель — поглумиться надо мной, но главное — показать свою ненависть к Гарди, которого вот-вот должны привезти сюда же. В первые дни процесса эту маленькую группку даже снимали, и кое-кто со своими плакатами попал в газеты. Понятное дело, это еще больше их раззадорило, и с тех пор они дежурят здесь каждое утро. Толстуха Сьюзи держит плакат «Радд — подонок!» и смотрит так, будто хочет пристрелить меня на месте. Боб-Патрон, утверждающий, будто приходится родственником одной из погибших девочек, сказал, о чем даже написали, что судебный процесс был пустой тратой времени. Боюсь, в этом он прав.

Остановив фургон, Напарник устремляется к моей двери, к нему присоединяются три молодых помощника шерифа такой же внушительной комплекции. Я выхожу, и меня сразу обступают, чтобы прикрыть, после чего вталкивают в заднюю дверь здания суда, а Боб-Патрон

громко обзывает шлюхой. Я благополучно добрался и теперь в безопасности. Я не знаю ни одного случая за последнее время, когда адвоката по уголовным делам застрелили у здания суда в разгар судебного процесса, однако уже смирился с тем, что вполне могу оказаться первым.

Мы поднимаемся по узкой задней лестнице, на которую никого больше не пускают, и меня проводят в небольшую комнату без окон, где когда-то держали заключенных, дожидаясь появления судьи. Через несколько минут прибывает Гарди, доставленный в целости и сохранности. Напарник выходит в коридор и закрывает за собой дверь.

— Ну как ты? — спрашиваю я, когда мы остаемся одни.

Он улыбается и потирает запястья, на несколько часов освобожденные от наручников.

— Кажется, нормально. Спал мало.

Душ он не принимал, потому что боится его принимать. Время от времени он пробует это сделать, но ему не включают горячую воду. Поэтому от Гарди несет застарелым потом и грязным постельным бельем, и я рад, что в зале суда он находится достаточно далеко от жюри. Черная краска постепенно сходит с его волос, и они с каждым днем становятся светлее, а кожа бледнее. Он меняет цвет прямо на глазах у жюри, что лишь подтверждает его нечеловеческую природу и сатанинскую сущность.

— Что сегодня? — спрашивает он с почти детским любопытством. Коэффициент умственного развития Гарди равен семидесяти, это едва позволяет привлечь его к уголовной ответственности и вынести смертный приговор.

— Боюсь, то же самое, Гарди. Продолжение прежнего.

— А ты не можешь заставить их перестать врать?

— Нет, не могу.

У штата нет никаких улик, свидетельствующих о причастности Гарди к убийствам. Абсолютно никаких.

Поэтому, вместо того чтобы принять это во внимание и пересмотреть заведенное дело, штат поступает так, как привык поступать в подобных случаях. А именно: идет напролом, закусив удила, опираясь на вымыслы и сфабрикованные показания.

Гарди провел в зале суда две недели, слушая ложь с закрытыми глазами и медленно качая головой. Он способен качать головой несколько часов подряд, и присяжные наверняка считают его психом. Я просил его этого не делать, а сесть ровно, взять ручку и что-нибудь записывать в блокнот, будто у него есть мозги и он хочет бороться и победить. Но он просто не в состоянии это сделать, а спорить со своим клиентом в зале суда я не могу. Я просил его также прикрыть руки и шею, чтобы не было видно татуировок, но он ими гордится. Я просил его избавиться от пирсинга, но он настаивает на том, чтобы оставаться самим собой. Светлые головы, управляющие тюрьмой Майлоу, запрещают заключенным пирсинг любого рода, если, конечно, речь не идет о Гарди, который отправляется на заседание суда. В этом случае пусть он утыкает хоть все лицо. Пусть все увидят, какой Гарди ужасный и больной на всю голову сатанист, и у присяжных не будет никаких проблем с признанием его виновным.

На гвозде висит вешалка с белой рубашкой и штанами цвета хаки, в которых он ежедневно появлялся в суде. Этот дешевый комплект я купил для него на свои деньги. Он медленно расстегивает оранжевый тюремный комбинезон и вылезает из него. Он не носит нижнего белья — я заметил это в первый день суда и с тех пор пытаюсь не обращать внимания. Гарди медленно одевается.

— Сколько же вранья, — произносит он.

И он прав. На сегодняшний день со стороны обвинения были заслушаны девятнадцать свидетелей, и ни один из них не устоял перед искушением хоть как-то приукрасить свои показания вымышленными деталями или откровенно соврать. Патологоанатом, делавший вскры-

тие в криминалистической лаборатории штата, сообщил присяжным, что две маленькие жертвы утонули, но также добавил, что способствовала этому «травма от удара тупым предметом» по голове. Обвинению будет намного проще, если жюри сочтет, что девочек изнасиловали и избили до бесчувствия, а потом бросили в пруд. Никаких доказательств, что девочки подверглись сексуальному насилию, нет, однако это ничуть не помешало обвинению включить изнасилование в список предъявленных обвинений. Я бился с патологоанатомом на протяжении трех часов, но с экспертом трудно спорить, даже если он некомпетентен.

Поскольку у обвинения нет никаких доказательств, оно вынуждено их фабриковать. Самые возмутительные показания дал тюремный стукач по кличке Сажа, как нельзя более ему подходящей. Он поднаторел на ложных показаниях в зале суда и всегда говорит то, что от него хотят услышать. А с Гарди вышло вот как. Сажа очередной раз оказался в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками, и ему светит десять лет за решеткой. Полицией требовались нужные показания, и, естественно, Сажа подвернулся весьма кстати. Ему сообщили кое-какие детали преступления, а затем перевели Гарди из региональной тюрьмы в окружную, где сидел Сажа. Гарди понятия не имел, почему его туда перевели и какую ему приготовили ловушку (это произошло еще до меня).

Гарди поместили в маленькую камеру к Саже, который проявил к нему участие и якобы хотел всячески помочь. Он утверждал, что ненавидит полицейских и знает хороших адвокатов. Он также читал об убийствах двух девочек и догадывался, кто их убил на самом деле. Поскольку Гарди ничего не знал об убийствах, рассказать о них хоть что-то он никак не мог. Тем не менее через сутки Сажа заявил, что Гарди ему во всем признался. Полицейские выдернули Сажу из клетки, и в следующий раз Гарди его увидел только на судебном процессе. Для выступления в суде в качестве свидетеля Сажа привел себя

в порядок: надел рубашку с галстуком, коротко постригся и прикрыл татуировки. Он с потрясающими подробностями воспроизвел рассказ Гарди: как тот выследил в лесу двух девочек, сбил их с велосипедов, заткнул им рот и связал, а потом пытал, надругался и избил, после чего бросил в пруд. По версии Сажи, Гарди был законченным наркоманом и фанатом тяжелого рока.

Настоящий спектакль. Я знал, что это была ложь от начала до конца, как знали это Гарди, Сажа, полицейские и прокуроры, да и у судьи, похоже, имелись сомнения. Однако присяжные всему поверили и с ненавистью и отвращением смотрели на моего клиента, который выслушал все с закрытыми глазами и лишь качал головой: нет, нет, нет. Показания Сажи были столь невероятными и изобиловали таким количеством жутких деталей, что порой даже не верилось, что все это вымысел. Такое просто невозможно придумать!

Я сражался с Сажей восемь часов, целый долгий и утомительный день. Судья уже начал терять терпение, а присяжные перестали соображать, но я мог бы продолжать целую неделю. Я поинтересовался у Сажи, сколько раз он давал показания в уголовных процессах. Он сказал, что, может, раза два. Я, сверившись с записями, освежил ему память и напомнил о девяти других процессах, на которых он сотворил точно такое же чудо для наших честных и непредвзятых прокуроров. Отчасти восстановив его память, я спросил, сколько раз прокуроры сокращали ему срок за то, что он лгал для них в суде. Он сказал, что ни разу, и мне пришлось остановиться на каждом из девяти случаев. Я документально подтвердил его ложь. Я ни у кого не оставил сомнений, и в первую очередь у присяжных, что Сажа — серийный стукач, который за лжесвидетельство получал смягчение приговора.

Должен признаться, в суде я нередко стервенею и это вредит делу. Сажа вывел меня из себя, и я обрушился на него с такой яростью, что кое-кому из присяжных даже стало его жалко. В конце концов судья сказал, чтобы я